

Нет автора

Русская старина

1903. 7_9

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1903. 7_9 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 742 с.

ISBN 978-5-458-02867-7

ISBN 978-5-458-02867-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

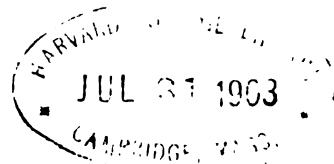
ПРОДАЕТСЯ КНИГА:

И С Т О Р І Я
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
И
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. О. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

заключающе 1480 страницъ текста, съ картами и планами.
Цѣна 9 рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться
въ Товарищество «Общественная Польза», СПб. Большая
Подъячская, № 39.

Царство польское послѣ вѣнскаго конгресса.

Сеймъ 1820 года.

Разрѣшивъ 3-го (15-го) ноября 1819 г. созваніе сейма въ будущемъ 1820 году, императоръ Александръ I, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказалъ графу Соболевскому выразить слѣдующіе его весьма замѣчательные взгляды объ избраніи представителей на сеймъ:

«Императоръ и правительство, писалъ Соболевскій Заіончекъ у не намѣрены оказывать какое-либо вліяніе на выборы представителей. Эти выборы должны быть вполнѣ независимы, иначе учрежденіе, обязанное доставлять правительству самое вѣрное средство къ содѣйствію народному благу, обратилось бы въ жалкое посмѣшище (*ville derision*); отравился бы цѣлебный источникъ, долженствующій возстановить и укрѣпить могущество политическаго тѣла народа. Законодательное собраніе для доставленія пользы и нравственной силы правительству должно имѣть возможность спрашивать истинное мнѣніе обывателей и знать таковое. Необходимо, чтобы только одинъ просвѣщенный патріотизмъ оказывалъ вліяніе на собраніе, иначе правительство будетъ обманываться своими же хитростями и сдѣлается игрищемъ страстей и партій, имъ же самимъ вызванныхъ.

«Если правительство не можетъ себѣ позволить оказывать вліяніе на избирательныя собранія, то было бы, съ другой стороны, очень прискорбно, если бы люди достойные, заслуживающіе всеобщее уваженіе по чистотѣ своихъ убѣжденій, по просвѣщеннымъ взглядамъ, по талантамъ, по значенію въ обществѣ, по патріотизму, уклонялись бы отъ выборовъ, единственно изъ призрачнаго опасенія, что служебныя ихъ отношенія или сношенія съ администраціею принудятъ ихъ пожертвовать независимостью ихъ мнѣній и сдѣлаться официальными апологетами всѣхъ

мѣръ и распоряженій, принятыхъ или предложенныхъ правительствомъ. Надо всячески убѣждать подобныхъ лицъ принять участіе въ выборахъ. Если, съ одной стороны, для совѣщательнаго собранія (*assemblée délibérante*) до крайности опасно имѣть въ своей средѣ лицъ, которыя, забывая святость своего назначенія, являются въ собраніе, по разнымъ причинамъ, съ предвзятымъ заранѣе стремленіемъ порицать безусловно всѣ мѣры правительства, нападать съ ожесточеніемъ на всѣ дѣйствія администраціи и льстить непремѣнно толпѣ, унижая авторитетъ власти, то, съ другой стороны, ничто такъ сильно не извращаетъ сущность представительнаго учрежденія, не парализуетъ его благотворныя послѣдствія и не вводитъ въ заблужденіе само правительство, какъ законодательное собраніе, составленное изъ лицъ, которыя, желая казаться приверженцами и друзьями правительства, считали бы своею обязанностию рукоплескать всему предпринимаемому правительствомъ, проявлять полную готовность принимать все имъ предлагаемое, добиваться его благорасположенія неумѣстными льстивыми похвалами и считать волю и желаніе правительства единственнымъ своимъ руководителемъ при подачѣ своего голоса.

«Лицами, могущими имѣть дѣйствительно полезное вліяніе на законодательное собраніе, являются единственно тѣ, которыя, заслуживъ довѣріе своихъ согражданъ, вполне свободно ими выбраны на сеймъ, пользуются всеобщимъ уваженіемъ избирателей, вполне знакомы съ предметами и вопросами, подлежащими ихъ обсужденію, чужды при томъ всякихъ партій и искательства, единственно одушевлены безкорыстною любовью къ отечеству, вполне способны оцѣнить дѣйствительныя его интересы и стремятся добросовѣстно уяснить себѣ поводы и послѣдствія мѣропріятій, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію, и при томъ, руководствуясь сознаніемъ своихъ обязанностей, не опасаются возбудить неудовольствіе правительства, высказывая съ полною откровенностью свои мнѣнія и взгляды о всемъ предлагаемомъ ихъ обсужденію, и не страшатся потерять свою популярность, ихъ поддерживая. Означенныя лица должны, кромѣ того, имѣть убѣжденіе въ томъ, что правительство, созывая ихъ въ законодательное собраніе, не можетъ имѣть иныхъ интересовъ или другихъ какихъ-либо цѣлей, какъ узнать истинныя желанія здравой части народа, дѣйствительныя потребности страны, съ цѣлію ихъ удовлетворить, насколько это дозволяютъ обстоятельства, и доставить народу, — обывателямъ страны, — наибольшую долю счастья, совмѣстнаго съ несовершенствомъ человѣческой природы. Поэтому правительство, не принимая за опасныхъ противниковъ, будетъ взирать, какъ на лучшихъ своихъ друзей, на всѣхъ тѣхъ, которые, призванные имъ къ подачѣ голоса по предметамъ общественнымъ, будутъ руководствоваться своею опытностью, познаніями и совѣстью. Подобныя лица,

высказывая свои мѣнія съ искренностью, простотою, умѣренностью, чужды всякихъ личныхъ отношеній, будутъ заниматься однимъ дѣломъ, отдѣляя его отъ лицъ, будутъ умѣть противиться соблазну слишкомъ легкихъ и пагубныхъ успѣховъ, доставляемыхъ всепоряцающимъ краснорѣчіемъ и нерѣдко на счетъ общественнаго дѣла. Всѣ друзья общаго блага должны желать, чтобы подобными лицами, къ какимъ бы партиямъ они ни принадлежали, были бы замѣнены свободныя мѣста въ палатѣ нунціевъ, и употребить къ достиженію этого всѣ законныя средства, имѣющіяся въ ихъ распоряженіи. Далеко не считая конституцію края простою, тщетною формальностью, колесомъ бесполезнымъ въ правительственномъ механизмѣ и замедляющимъ его движеніе, его величество имѣетъ твердую рѣшимость доставить странѣ всѣ выгоды, которыя обѣщаетъ подобное учрежденіе, когда оно соединяется съ соблюденіемъ порядка и общественнаго спокойствія».

На основаніи высочайшаго разрѣшенія были созваны сеймики по палатинатствамъ, прошедшіе на сей разъ далеко не такъ опокійно, какъ предшествовавшіе сейму 1818 года. Во многихъ мѣстахъ среди избирателей произошли свалки, и многіе избиратели дозволили себѣ постыдныя крайности ¹⁾. Въ Серадзѣ спаввали избирателей; на собраніяхъ очень шумѣли, нарушали общественное спокойствіе, и для усмиренія потребовалось содѣйствіе жандармовъ. Въ Плоцѣ безпорядки были еще значительнѣе; избиратели раздѣлились на двѣ партіи; каждая стояла за своего кандидата, и послѣ продолжительныхъ споровъ произошла большая драка, въ которой едва не погибъ полковникъ Пиперь. Вызвано было войско, и собраніе было распущено.

Полученіе этихъ извѣстій вызвало изъ Петербурга распоряженіе, чтобы маршалы наблюдали за порядкомъ на сеймикахъ и составили надлежащее объ этомъ увѣщаніе къ избирателямъ.

Вслѣдъ за тѣмъ 8-го (20-го) іюля 1820 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе о созваніи сейма въ Варшавѣ на 1-е (13-е) сентября 1820 г., при чемъ говорилось, что «второй разъ представителямъ Польши предстоитъ пользоваться драгоцѣннымъ преимуществомъ конституціи и, пользуясь имъ, оправдать довѣріе, внушаемое привязанностью ихъ къ великимъ интересамъ родины. Послѣдній сеймъ доказалъ, что мы сумѣли васъ поднять на высоту вашего призванія. Слѣдуйте примѣру осторожной мудрости, за вѣщанной вамъ этимъ собраніемъ.

«Подобно ему, будьте одушевлены только любовью къ общественному благу и руководитесь исключительно духомъ согласія и единенія, и вы заслужите, какъ и первое собраніе, признательность вашихъ согражданъ».

¹⁾ Донесеніе Заіончева 1-го (13-го) марта 1820 г.

25-го августа (6-го сентября) 1820 г. императоръ Александръ I прибылъ въ Варшаву и 1-го (13-го) сентября открылъ сеймъ слѣдующею рѣчью:

«Представители царства Польскаго!

«Съ чувствомъ истиннаго удовольствія вижу себя вторично посреди васъ ¹⁾ и съ удовольствіемъ повторяю, что, соединяя васъ здѣсь и призывая содѣйствовать соблюденію и развитію вашихъ народныхъ учреждений, повинуюсь движенію моего сердца, привожу въ исполненіе одно изъ драгоцѣннѣйшихъ моихъ желаній.

«Учрежденія сіи, плодъ довѣренности моея къ вамъ, утвердятся довѣренностью вашею ко мнѣ.

«Цѣлю моею, даруя ихъ вамъ,—было соединеніе вышней власти съ властями посредствующими, съ правами и законными выгодами общества.

«Связь сію нахожу я необходимою, но, чтобы ей быть твердою, она требуетъ помощи, безъ коей все на землѣ слабѣетъ и падетъ.

«Да не забудемъ, что учрежденія—дѣла рукъ человѣческихъ. Какъ и самые люди, эти учрежденія нуждаются въ подпорѣ противъ слабости, въ совѣсти противъ заблужденія и одинаково съ ними находятъ сію подпору, сію совѣсть въ единственно христіанской нравственности и въ ея божественныхъ заповѣдяхъ.

«Вы пребыли поляками, вы носите сіе имя почетное; но я уже вамъ передъ симъ сказалъ: только одно примѣненіе правилъ, преподанныхъ симъ благотворнымъ поученіемъ, могло вамъ возратить столь знаменитое преимущество. Послѣдуйте же и вы спасительнымъ наставленіямъ этого ученія; почерпайте въ этомъ источникѣ добросовѣстность, которую оно вамъ предписываетъ какъ по отношенію къ самимъ себѣ, такъ и по отношенію къ другимъ; почерпайте любовь къ истинѣ, которая къ ней одной стремится, ей одной внимаетъ, и ея языкомъ глаголетъ, и вы поможете мнѣ дѣйствительно утвердить возрожденіе отечества вашего.

«Я произнесъ передъ вами слово истины, ибо требую отъ васъ одной истины. Я желаю слышать ее изъ устъ вашихъ; изъясните ее искренно, но съ спокойствіемъ и добросердечіемъ.

«Истина явится вамъ во всемъ своемъ блескѣ, если вы будете искать ее въ самыхъ дѣлахъ, а не въ суетныхъ умствованіяхъ, если

¹⁾ Проекты рѣчей, произнесенныхъ императоромъ Александромъ I на сеймахъ въ Варшавѣ, составлялись на французскомъ языкѣ и по одобреніи государемъ переводились на языки русскій и польскій и печатались. Хотя въ дѣлѣ о сеймѣ имѣется русскій переводъ рѣчей императора, но неудовлетворительность онаго и чуждые русскому языку обороты рѣчи побудили насъ сдѣлать новый имъ переводъ.

будете судить о положеніи своемъ по указаніямъ событій, а не по теоріямъ, къ которымъ въ наши дни прибѣгаютъ честолюбцы упавшіе, или честолюбцы возникающіе.

«Наконецъ, будутъ отличаться истинною ваши мнѣнія, если, внимая единственно важнымъ интересамъ, вамъ вѣреннымъ, и отстраняя отъ совѣтовъ вашихъ вражду, отдѣльныя соображенія, личные виды, вы достигнете высоты священнаго званія, на васъ возложеннаго. Тогда только исполните вы обязанность вашу.

«Теперь я приступаю къ исполненію своей.

«Министры мои представляютъ вамъ обзоръніе всѣхъ мѣръ законодательныхъ и административныхъ, принятыхъ и осуществленныхъ въ послѣдніе два года. Вы безъ сомнѣнія съ удовольствіемъ убѣдитесь въ пользѣ, отъ нихъ послѣдовавшей, сравнивая ее со всѣми бѣдствіями, слѣды которыхъ, еще глубоко впечатлѣныя, должно было изгладить. Желаніе достигнуть этой цѣли, быть можетъ, не всегда направлялось по пути, предписанному устройствомъ, которое мнѣ было пріятно даровать вамъ: быть можетъ также, потребности настоятельныя, одновременнымъ своимъ появленіемъ, увеличили издержки, вызываемыя ихъ удовлетвореніемъ.

«Намѣренія мои однако же не измѣняются и твердою волею моею, на будущее время, является строжайшее соблюденіе правилъ, единожды установленныхъ, и самая величайшая заботливость о средствахъ лицъ, обложенныхъ податями.

«Представленія, вами мнѣ поданныя, были приняты во внимательное уваженіе. Вы узнаете, какимъ образомъ они уже удовлетворены или будутъ еще удовлетворены, а также почему исполненіе нѣкоторыхъ изъ оныхъ слѣдовало отсрочить, а удовлетвореніе другихъ и совершенно отстранить. Въ числѣ тѣхъ, кои правительство успѣшило уважить, находятся проекты законовъ, кои будутъ вамъ предложены.

«Вы желали имѣть гражданское судопроизводство на началахъ, болѣе обезпечивающихъ правосудіе; вы желали имѣть судопроизводство уголовное, согласованное съ уложеніемъ уголовнымъ, вами на послѣднемъ сеймѣ принятымъ. Вамъ будутъ предложены проекты новыхъ законовъ по тому и другому предмету. Искренно отдаю ихъ на разсмотрѣніе ваше. Знаю, что подобнаго рода законы, для достиженія возможнаго и отъ насъ зависящаго совершенства, требуютъ обширныхъ обсужденій; я хочу, чтобы они отмѣчены были печатью полной зрѣлости.

«Представители правительства извѣстятъ васъ о намѣреніяхъ моихъ въ семь отношеній, и вы усмотрите, что они предоставляютъ мнѣніямъ вашимъ полную свободу; а разсужденіямъ—полный и необходимый просторъ.

«Законъ о финансахъ требуетъ еще времени и размышленія. Недо-

арѣлыя перемѣны, въ особенности въ устройствѣ податей, опасны. Финансы процвѣтають единственно при неизмѣнности ихъ учреждений. Система вашихъ финансовъ должна подвергнуться преобразованію, но только одинъ разъ. Это преобразованіе послѣдуетъ, какъ скоро будетъ достаточно подготовлено.

«Представители царства Польскаго! Явите отечеству вашему, что, сильныя вашею опытностью, вашими правилами и чувствами, вы умѣете соблюдать подъ сѣнью законовъ спокойную независимость и чистую свободу; явите вашимъ современникамъ, что сія свобода является другомъ порядка и его благихъ послѣдствій и что вы пожинаете плоды ея потому, что сумѣли и всегда будете умѣть противостоять наущеніямъ недоброжелательства и опасностямъ примѣра.

«Въ однихъ мѣстахъ пользованіе учреждениями и злоупотребленіе ими были поставлены на одинъ уровень; въ другихъ мѣстахъ, возбуждая мнимую потребность къ рабочьшному подражанію, духъ зла пытается приобрести снова свое пагубное владычество; онъ паритъ уже надъ частью Европы и увеличиваетъ число злодѣяній и пагубныхъ происшествій.

«Посреди сихъ бѣдствій система правительства моего останется неизмѣнною. Я почерпнулъ ея начала во внутреннемъ убѣжденіи своихъ обязанностей.

«Эти обязанности всегда будутъ исполнены мною съ прямодушіемъ. Но однако этого прямодушія было бы не достаточно, если бы я не позналъ великихъ истинъ, коимъ научаетъ насъ опытность.

«Безъ сомнѣнія, вѣкъ, въ которомъ мы живемъ, требуетъ, чтобы основаніемъ и обезпеченіемъ общественнаго порядка были бы охранительныя законы. Но сей вѣкъ налагаетъ также на правительство обязанность ограждать эти самые законы отъ пагубнаго вліянія страстей, всегда беспокойныхъ, всегда ослѣпленныхъ.

«Въ семъ отношеніи важная отвѣтственность лежитъ на васъ и на мнѣ. Она повелѣваетъ вамъ слѣдовать неизмѣнно по пути, вамъ указываемому вашимъ благоразуміемъ и вашею правотою. Мнѣ же она указываетъ обязанность предостерегать васъ съ откровенностью отъ опасностей, могущихъ вамъ угрожать, и охранять отъ нихъ учрежденія ваши; она мнѣ предписываетъ судить о мѣрахъ, подлежащихъ моему разрѣшенію не иначе, какъ по дѣйствительнымъ ихъ послѣдствіямъ, а не по тѣмъ словамъ, коими духъ сообщничества ихъ величаетъ или безславитъ; она, наконецъ, обязываетъ меня, для предупрежденія самаго возрожденія зла и необходимости прибѣгать къ средствамъ насильственнымъ, истреблять сѣмена разстройства, при самомъ ихъ появленіи.

«Такова моя непреложная рѣшимость; я никогда не уклонюсь отъ своихъ правилъ и никогда не соглашусь на уступки, съ ними несогласныя.

«Поляки! По мѣрѣ того, какъ узы братства, васъ навсегда привязывающія къ Россіи, скрѣпляются тѣснѣе; по мѣрѣ того, какъ вы проникаетесь всѣми обязанностями, кои они вамъ напоминаютъ, по мѣрѣ того распространяется и сглаживается поприще, вамъ мною открытое.

«Еще нѣсколько шаговъ, направленныхъ благоразуміемъ и умѣренностью, отмѣченныхъ довѣріемъ и правотою, и вы достигнете цѣли вашихъ надеждъ и мнѣхъ. Тогда я вдвойнѣ возрадуюсь, увидя, что мирное пользованіе дарованною вамъ свободою утвердило ваше народное бытіе и запечатлѣло неразрывный союзъ благоденствія между обоими отечествами нашими».

Президентъ сената, графъ Станиславъ Потоцкій, по обыкновенію, произнесъ отвѣтную рѣчь, въ которой упомянулъ, что императоръ, совмѣщая въ лицѣ своемъ два наиболѣе почетныхъ титула: умиротворителя Европы и законодателя странъ, повелѣвающего не силою, но сердцемъ, — стремится къ тому, чтобы заставить процвѣтать свободу народовъ, наравнѣ съ могуществомъ правительствъ, — единственнымъ обезпеченіемъ благосостоянія государствъ. Кромѣ того, самая искренняя и безкорыстная любовь къ человѣчеству побудила императора явить міру образецъ либеральной конституціи, «получить которую мы, побѣжденные, не могли мечтать».

«Ваше величество требуетъ отъ насъ, — говорилъ Потоцкій, обращаясь къ императору, — довѣрія взаимнѣ вами намъ оказаннаго. Неужели мы не въ состояніи убѣдить васъ, что питаемъ въ сердцахъ нашихъ такое же довѣріе къ вашему величеству, какое вы, государь, имѣете ко всѣмъ своимъ подданнымъ; что наше довѣріе къ особѣ вашего величества безгранично, и мы молимъ Бога, чтобы Онъ продлилъ счастливые дни нашего короля, возстановителя нашего отечества. На васъ, государь, покоится не только все наше довѣріе, но и всѣ наши надежды въ будущемъ. Наше довѣріе и наша признательность къ особѣ вашей начертаны неизгладимыми знаками въ сердцахъ нашихъ».

Изложивъ въ краткихъ словахъ жалкое положеніе Польши въ прежніе годы, вопліѣ удовлетворительное ея положеніе въ настоящее время и упомянувъ о мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ къ развитію благосостоянія этого королевства, Потоцкій выразилъ, что прежде участь Польши внушала сожалѣніе народамъ болѣе счастливымъ; въ настоящее время нѣтъ страны, съ которою мы сами пожелали бы помѣняться условіями нашей жизни. Эту перемену Потоцкій приписывалъ благотворнымъ послѣдствіямъ мудрой конституціи. Его величеству угодно было самому одобрить образъ дѣйствія предшествовавшаго сейма; это былъ первый шагъ на новомъ поприщѣ возрожденной Польши. Все даетъ основаніе надѣяться, что это собраніе (т. е. сеймъ), укрѣпленное опытомъ, будетъ дѣйствовать болѣе рѣшительно и при томъ въ предѣлахъ

важности своего назначенія. Потоцкій высказывалъ увѣренность въ томъ, что члены сейма въ своихъ разсужденіяхъ не будутъ отклоняться отъ умѣренности, которая, хотя, повидимому, изгнана изъ нѣкоторыхъ народныхъ собраній Европы, однако, должна служить неизбѣннымъ для нихъ правиломъ. Она не исключаетъ свободу мнѣнія; напротивъ того, она придаетъ имъ новую энергію. «Я ручаюсь,—говорилъ Потоцкій,— что вы всѣ (т. е. члены сената и депутаты) явите этотъ благотворный примѣръ Европѣ, взоры которой обращены на васъ, въ особенности когда подумаю, что этого единственно требуетъ отъ поляковъ признательность къ тому, которому они обязаны возстановленіемъ славнаго имени ихъ предковъ».

Послѣ этого говорилъ министръ внутреннихъ дѣлъ и полиціи графъ Мостовскій. Главное содержаніе его рѣчи состояло въ краткомъ изложеніи правительственныхъ распоряженій по различнымъ частямъ управленія.

Обративъ вниманіе членовъ сейма на самыя главныя правительственныя мѣропріятія минувшихъ двухъ лѣтъ и достигнутые ими результаты, графъ Мостовскій закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Правительство убѣждено въ чистотѣ своихъ намѣреній, руководящихъ постоянно дѣятельность его органовъ. Оно не считаетъ себя чуждымъ ошибокъ, извиняемыхъ нерѣдко обстоятельствами. Оно желало бы имѣть отъ представителей народа указанія прямыя и откровенныя. Народное собраніе не откажетъ, конечно, ему въ своемъ содѣйствіи своими познаніями и проявитъ тотъ духъ согласія и примиренія, который повсемѣстно долженъ быть результатомъ представительнаго правленія и предписывается одинаково и христіанскимъ ученіемъ, и кротостью народнаго характера. Попытки къ улучшенію общественнаго положенія, совершаемыя законными путями и безъ колебанія общественнаго порядка, должны содѣйствовать счастью людей. Если въ наукѣ правительственной проявился прогрессъ, то этимъ мы, конечно, обязаны не смутнымъ днямъ. Настанетъ время, когда эти попытки будутъ продолжаться смирно, съ взаимнымъ согласіемъ народовъ и государей, ибо обѣ стороны заинтересованы найти тотъ средній путь, который во всѣхъ дѣлахъ является единственно возможнымъ совершенствованіемъ. Тогда и свободу, являющуюся не результатомъ возстанія и бѣдствія, но послѣдствіемъ благосостоянія и просвѣщенія, нельзя будетъ обвинять въ страшныхъ переворотахъ, грубыхъ нравахъ, жестокихъ катастрофахъ, столько разъ омрачавшихъ ея благодѣянія и побѣды».

«Строгая справедливость, совѣтливое соблюденіе конституціи и нерушимая привязанность священнымъ началамъ, заключающимся въ хартии, могутъ только одни создать дѣйствительное общественное мнѣніе (esprit public). Чтобы его укрѣпить и доставить ему должное значеніе и

развитіе, необходимо убѣжденіе, что правительство не можетъ желать или предпринять ничего иного, какъ только то, что имѣетъ въ виду достиженіе общественнаго блага въ настоящемъ или будущемъ. Равнодушіе управляемыхъ къ ходу общественныхъ дѣлъ никогда не желательно; конституціонное правленіе утрачиваетъ чрезъ это одну изъ главнѣйшихъ своихъ пружинъ, т. е. самый вѣрный органъ общественнаго мнѣнія и желаній. Но не должно забывать и того, что благосостояніе народа не будетъ достигнуто, если въ его угоду не будутъ дѣлать ничего иного, какъ только порицать дѣйствія и труды правительства, не выжидая времени, необходимаго къ тому, чтобы плоды его трудовъ созрѣли».

По установленному росписанію занятій на сеймѣ палаты приступили прежде всего къ разсмотрѣнію внесенныхъ изъ государственнаго совѣта проектовъ гражданскаго и уголовнаго уложеній и судопроизводства какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго. Означенные проекты вызвали продолжительныя и рѣзкія пренія; особенно сильно нападали на проекты Выбицкій и Кохановскій. Проекты эти не были приняты сеймомъ, признавшимъ необходимымъ для обсужденій ихъ составить особую комиссію и къ этому привлечь все общество. Сеймъ полагалъ просить всѣхъ гражданъ сообщить комиссіи, на которую было возложено предварительное разсмотрѣніе этихъ проектовъ, свои предположенія объ измѣненіи существующихъ законовъ и о необходимости составить новые. Императоръ согласился продолжить обсужденіе означенныхъ проектовъ и послѣ закрытія сейма, до выясненія всѣхъ обстоятельствъ и сомнѣній. Не мало возраженій встрѣтилъ со стороны сейма представленный ему министромъ внутреннихъ дѣлъ отчетъ по управленію краемъ.

Возраженія на отчетъ со стороны сената и палаты нунціевъ во многомъ совпадаютъ, а потому мы позволимъ себѣ указать на нѣкоторые.

Прежде всего сеймъ замѣчалъ, что въ отчетѣ преимущественно говорится о дѣйствіяхъ, распоряженіяхъ и приказаніяхъ короля; все прикрывается этимъ священнымъ лицомъ. Такой порядокъ несогласенъ съ сущностью конституціонной монархіи и угрожаетъ свободѣ обсужденія на сеймѣ. Министры должны отвѣчать за все, являясь совѣтниками короля и авторами разныхъ мѣропріятій; они должны скрѣплять всѣ распоряженія и приказы, исходящіе за подписью короля, особа котораго священна. Признается, что король не можетъ желать чего-либо худаго странѣ; онъ не можетъ и помышлять объ этомъ; онъ можетъ желать только общественнаго блага. Если же онъ совершаетъ зло, то потому только, что былъ обманутъ, недостаточно освѣдомленъ о настоящемъ положеніи дѣлъ и т. д. Поэтому сеймъ призналъ, что всѣ распоряженія и приказанія, указываемыя въ отчетѣ, являются дѣломъ не короля, а его министровъ, которые и должны подлежать за нихъ отвѣту. Сенатъ